

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Naum Barash

Interviewer: Mark Markov

<http://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/naum-barash>

Content © 2017 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission. Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения

Марк Марков – Это Марк Марков для Исторического проекта Кони-Айленда. Я беру интервью у Наума Бараша. Расскажите о том, как вы первый раз начали заниматься зимним плаванием.

Наум Бараш – Это было давно [смеётся]. Когда я стал студентом, я учился в Курске, в политехническом институте, и институт находился на берегу реки почти – там минут пять идти до речки. И я начал купаться в сентябре, каждый день перед занятиями. И как-то так получилось, что думаю: «Если я мог вчера купаться, почему я не мог бы сегодня купаться? Чуть похолодало». И так купался до того момента, как вода стала очень холодной и даже корка льда была. Тут начали приходить другие люди, которые занимаются зимним спортом, и как-то мы объединились. После этого я все эти годы – в этом году будет наверно пятидесятый мой сезон купальный – я это делаю.

ММ – То есть, вы в Курске сами сначала купались и только потом в компании?

НБ – Да, но сам я купался еще осенью. То есть, я просто плавал (я плаванием занимался когда-то) без цели купаться зимой. Но когда я почувствовал, что это не так уж плохо, и встретил людей, которые зимой купаются, я примкнул к этой группе, и очень доволен – ни о чем не жалею.

ММ – Насколько это было популярно?

НБ – В то время это не было так популярно там. Ну, буквально четыре-пять человек было в Курске, которые вместе со мной купались в реке. Причём там нам удобно было тем, что там спасательная станция была недалеко, и они держали лунку, потому что им надо было для тренировки в гидрокостюмах. Поэтому мы приходили, и нам даже ломиком не приходилось работать – мы сразу купались.

ММ – Как это организовывалось?

НБ – Никакой организации. Это просто люди, которым это нравилось. Хотя до этого я, конечно, читал в прессе о Минской школе закаливания. Это известная школа закаливания. Там действительно группы целые ходят, и впоследствии я, когда уже начал работать и был в командировках в Минске, я приходил в эту школу и купался там с людьми. Конечно, здорово.

ММ – И вы занимались зимним плаванием не только в Курске?

НБ – Да. Там я начал, когда учился. А потом я вернулся в Черновцы (откуда я родом, собственно говоря), и там я продолжал. Там я практически организовал группу. Там никто зимой не купался, но мой брат присоединился ко мне, и еще пару человек с моей работы, и мы начали эту группу.

ММ – Расскажите о том, как вы её начали. Это очень интересно.

НБ – Начали очень просто. Опять же был сентябрь-октябрь. Я говорил: «Ребята, идёте купаемся!» Там были у нас энтузиасты, которые бегали вдоль реки, потом плавали, чтобы держать себя в форме. И я им сказал: «Давайте делать это зимой тоже». Они говорят: «Попробуем». Они попробовали, и в общем-то все довольны были. Там нам приходилось ломиком делать лунку, каждый раз, когда мы купались. Но это как тренировка, как разминка перед купанием, так что все с удовольствием это делали.

ММ - Расскажите о том, как вы начали заниматься зимним плаванием в Кони-Айленде [в «Клубе моржей Кони-Айленда»].

НБ – Когда мы переехали сюда, в Нью-Йорк, это был девяностый год, я сразу стал искать группу моржей. Но мне объяснили что здесь нету «моржей» - здесь есть «полярные медведи». Я говорю: «Мне все равно, лишь бы зимой купаться». В общем, первый год я работал в госпитале по ремонту медтехники, и там работала девушка с нами, которая сказала: «Знаешь что, я узнаю для тебя». И она мне дала адрес в Кони-Айленде, чтобы я сюда пришёл и присоединился к этой группе. Я ей до сих пор благодарен, признателен. Я это сразу сделал. Это практически первая зима, которую я был здесь.

Я начал купаться с клубом. Но в то время не было таких хороших условий, как сейчас: мы переодевались под *бордвоком*. Не было такой тёплой комнаты, в которую ты мог прийти и раздеться, оставить одежду и пойти искупаться, вернуться обратно, попить чай, кофе... Не было, конечно, таких условий, но были энтузиасты, группа была. Потом я узнал, что клуб существует с тысяча девятьсот третьего года, поэтому можете посчитать, что уже больше ста лет этому клубу. Я помню, мы столетие отмечали. Я очень признателен людям, которые ходят, и людям, которые заботятся об этом клубе. Нам очень помогает [Нью-Йоркский] Аквариум: они нам сдают как раз эту комнату, в которой мы каждое воскресенье переодеваемся. Купаемся мы здесь шесть месяцев. Первое воскресенье ноября — начало сезона и последнее воскресенье апреля — конец сезона. Так что, если кто-то хочет присоединиться, пожалуйста: в час дня купание, если прийти в двадцать, двенадцать тридцать, на *бордвоке*, если вы знаете, есть здание, которое очень красиво покрашено – вот там мы и переодеваемся.

ММ – Расскажите о том, чем отличается зимнее плавание в Нью-Йорке, в Кони-Айленде, и как вы его помните Союзе.

НБ – Во-первых, здесь больше удобств. Как я сказал, есть тёплое помещение, где переодеваемся, и так далее. Честно говоря, я сомневался, смог бы я один купаться. У меня были пару сезонов, когда я сам купался, потому что не совпадало по времени — я работал. Одному сложнее в воду зайти. Когда это делается коллективно, то это совсем по-другому чувствуется. Поэтому я очень признателен, признателен [Нью-Йоркскому] аквариуму который нам помогает. Собственно говоря, мы тоже помогаем аквариуму. Если вы знаете, первого января в Нью-Йорке массовое купание на Кони-Айленде. Приходят где-то полторы-две тысячи человек. Многие сдают пожертвования – двадцать, двадцать пять долларов. И за этот день собирается порядка шестидесяти-семидесяти тысяч долларов, из которых часть мы даем

аквариуму, часть идет на другие цели, но это все очень приятно делать и помогать тому же аквариуму. Аквариум сейчас просто расцвел. Даже после этого урагана Сэнди, восстанавливается и уже почти восстановился. И здорово. Мы получаем удовольствие оттого, что мы находимся практически в аквариуме и видим, как он преобразуется.

ММ – Расскажите о том, как проходит церемония, ритуал самого плавания.

НБ – Сначала наша группа выходит на берег. Там мы становимся в круг и делаем короткую разминку, минут пять: упражнения, чтобы немножко разогреться перед входом в воду. Потом, по свистку так сказать главного [смеётся], мы заходим в воду. По времени никто не ограничен: [нет] ни минимума, ни максимума. Люди, которые только начинающие, или чувствуют, что сегодня не могут долго купаться, они выходят быстро. Другие дольше. Обычно зимой после пяти минут с начала плавания, образуется опять круг – пятиминутный круг. Потом десятиминутный круг. Те, кто остались и десять минут купаются, мы образуем ещё круг. Ну, а дальше уже люди купаются, кто сколько хочет. У меня среднее время купания зимой от пятнадцати до двадцати минут. И я плаваю – я не стою, не хожу. Хотя, первые три-четыре минуты привыкание к воде идет. Есть два способа. Есть способ сразу войти в воду и начать плавать. А есть [другой] способ: тело привыкает сначала к воде, а потом уже плаваешь.

ММ – Расскажите немножко о соревнованиях, которые происходили здесь [в Кони-Айленде] в феврале.

НБ – В феврале этого года здесь были соревнования – называются «Открытый чемпионат США по зимнему плаванию». Там принимали участие люди, которые плавают зимой со всей Америки, естественно, и из Европы приезжали (из Бельгии, из Франции, из Чехии были спортсмены). И проводились соревнования прямо в океане. Уславливались дорожки, и по сигналу мы плавали кто какие дистанции. Я, например, проплыл две дистанции брассом двадцать пять и пятьдесят метров, и я заработал две золотые медали. Честно говоря, общий результат, если взять все результаты всех, кто плавал, у меня седьмой (на той и на другой дистанции), но они разбивают соревнующихся на группы по возрасту – по десять лет. Я попал в группу шестьдесят-шестьдесят девять. Я там был лучшим. Я когда-то занимался плаванием, поэтому я плаваю неплохо. Дело даже не в результатах, само соревнование просто настолько приятные дает эмоции, что дело не в медалях. Медали я заработал для моих внуков – у меня внук и внучка сейчас. Вот, каждому из них по медали [смеётся]. И очень приятная атмосфера. Люди друг другу помогают. Эти соревнования не превращаются в какую-то там «я хочу быть первым!». Просто, соревнуясь, люди получают удовольствие от этого.

Я очень признателен организаторам этого чемпионата. Это «Федерация зимнего плавания США», членом которой я состою, которая много делает для этого. Кроме того (не каждый раз проходит здесь), существуют мировые чемпионаты. Например было в России в Томске пару лет назад, и в Латвии были чемпионаты. Наши представители туда едут. В Китай едут. Там тоже организуются какие-то соревнования. Кто имеет возможность и желание,

участвуют в этих соревнованиях. И я ещё раз говорю, дело не в результатах, а дело в том, что ты принимаешь участие и тебе это доставляет удовольствие.

ММ – Расскажите немножко о том (раз вы занимались плаванием в общем), чем отличается плавание, которым вы занимались, которое не зимнее, и зимнее?

НБ – Я вам скажу, большого отличия нет. Отличие есть только в привыкании к воде, к температуре. Естественно, зимняя вода она холодная, и поэтому привыкание длится три-четыре минуты. Люди, которые сейчас купаются в разгаре лета тоже, когдаходишь в воду, она кажется холодной по отношению к воздуху. Но это занимает двадцать-тридцать секунд. Тело привыкает. Зимой это дольше. Большой разницы нет. Еще какая разница? Есть, конечно. Зимой у меня максимум – от пятнадцати до двадцати минут я купаюсь. Летом, когда я плаваю или в бассейне тренируюсь, я могу и сорок пять минут и час плавать. То есть, пока не устал. Еще я вам могу сказать такое: у меня дети врачи. И как-то я после купания выхожу – не только я (многие люди со мной купаются) – и дрожат. Немножко дрожь. И сначала я начал волноваться, спросил моих детей: это полезно или нет? Это нормально. Так же, как летом вы ходите в жару, и вы потеете, это нормально. Так и зимой, когда организм реагирует на охлаждение, это нормально. Только главное — не превысить порог, чтобы не вызвать какие-то последствия плохие.

ММ – Расскажите, пожалуйста, про ощущения от зимнего плавания.

НБ – Когдаходишь в воду, ты чувствуешь, что она холодная. Это так же и летом. Когда я захожу в разгар лета в воду, она холодней тела и кажется холодной. Разница только в том, что летом ты привыкаешь за несколько секунд. Через двадцать-тридцать секунд ты не чувствуешь, что вода холодная – она уже нормальная. Зимой это требует больше времени. Это обычно занимает от трех до пяти минут. Но я считаю, полагаю, что каждый человек может сделать это и привыкнуть к воде. Потом уже нет проблем находиться в воде, поплавать немного, и так далее. Главное — преодолеть себя. Главное — пересилить, иметь мотивацию: «Вот я знаю, что через несколько минут моё тело привыкнет. Да, вода холодная. Да, мне холодно, когда я захожу. Но, я знаю, что через две-три минуты это проходит». И действительно проходит. Потом можете плавать, купаться. Просто нельзя находиться долгое время, потому что организм может переохладиться. Это тоже нехорошо. Поэтому каждый должен иметь свой интервал времени, когда он не приносит вреда организму, а только пользу.

ММ – Это приятно?

НБ – Да, это очень приятно. Видимо там происходят гормональные изменения в организме в это время. Выходишь как новорожденный. Просто как только-только родился. Настолько это все приятно и удивительно. Я много лет—у меня в этом году будет пятидесятый сезон купания. Я каждый раз получаю удовольствие от купания. Каждый-каждый раз. Я очень благодарен судьбе за то, что я плаваю и наслаждаюсь этим.

ММ – Вы ощущаете какие-то целебные свойства от зимнего плавания?

НБ – Лично я ощущаю, что у меня нет простудных заболеваний практически никогда. Я не знаю, что такое грипп. Я не знаю, что такое простуда. Хотя грипп

это все-таки инфекционное [заболевание], но, видимо, иммунитет вырабатывается к этому заболеванию тоже. А насчёт других болезней... У кого какие болячки есть, это одно с другим не связано. Я не думаю, что можно купаясь излечиться от чего-нибудь, или наоборот, что-то приобрести. Но закалиться – то-есть, повысить сопротивление организма к охлаждению – это я считаю полезное очень. Вот такое зимнее плавание.

Я вам расскажу пару случаев, когда я купался в Киеве, в Днепре зимой. Там, конечно, намного больше людей купалось, чем в Курске. И у меня было несколько интересных случаев. Один случай был такой:

Я зашел в воду. Это – ледяная вода (был декабрь-январь). Со мной зашла женщина вместе, в одно время. Ну, я поплавал свои три-пять минут – мне время выходить, а она еще плавает. Думаю, неудобно: зашел вместе с женщиной. Надо ее подождать. Ну, подождал еще две-три минуты. Вижу все, мне пора уже надо выходить [смеется]. Мое время закончилось. Я вышел, переоделся, высушился – все. А она еще плавает. И я спросил людей, которые там ее знают. Я говорю, «А сколько она плавает?». «Сорок пять минут». Тут я понял, что надо плавать столько, сколько ты можешь, а не ориентироваться на кого-то, кто больше или меньше тебя плавает. Это один случай.

Второй случай был смешной. Это было двадцать третьего февраля семьдесят третьего года (я думаю). Было купание, посвященное (если помните, кто помнит, двадцать третьего февраля – День Красной армии). Организовывалось массовое купание. Тогда было человек сто наверно – группа. Вышел генерал в плавках, произнес речь, телевиденье приехало. Этот генерал побежал к реке, и все за ним. Потом я смотрю, этот генерал тихонечко повернулся и залез в свою машину и уехал [смеется], воды не коснувшись. Мне стало смешно. Но, с другой стороны, ничего страшного. Вот такие случаи бывали.

ММ – Расскажите о том, насколько важно купаться в компании.

НБ – Действительно, в компании намного приятней купаться. Дело в том, что – как вам сказать? Я, конечно, могу себя организовать, и я самостоятельный – у меня было несколько самостоятельных сезонов. Но в компании, с коллективом, лучше. Не надо себя так сильно настраивать, потому что группа заходит, и ты заходишь вместе с ними. Психологический барьер легче преодолеть в компании, чем в одиночку. Поэтому, я рекомендую, если кто-то хочет купаться [делать это в компании]. Хотя, вот здесь на Брайтоне, на Кони-Айленде есть люди, живущие недалеко, русско-язычные – они купаются самостоятельно. Иногда, присоединяются к купанию нашего клуба, и в принципе они довольны тем, что они купаются тоже.

ММ – Вы можете еще немножко рассказать о [«Клубе моржей Кони-Айленда»]: кто в нем участвует и как он работает.

НБ – Я уже говорил, что клуб открылся в тысяча девятьсот третьем году, клубу больше ста лет. Очень приятно, что эти традиции, это купание продолжается. В списках нашего клуба состоит, наверно, больше двух сот человек. Это не значит, что каждый выходной двести купается, но где-то человек сорок-шестьдесят каждый выходной (каждое воскресенье, когда мы

купаемся) приходит и купается. Люди разного возраста. У нас была девочка – одиннадцать лет (стала членом клуба). Для того чтобы, стать членом клуба, надо за сезон сделать двенадцать купаний. То есть, двенадцать купаний — и тебя принимают в клуб. Производится голосование, но оно довольно условное, конечно. Каждый год несколько человек записываются в клуб. Где-то от четырёх до восьми ежегодно присоединяются к клубу именно таким образом.

[Деннис Томас] Руководитель клуба у нас очень интересный человек. Он отдаёт себя этому клубу. У нас было как-то купание. Он принёс эмблему нашего клуба, которая побывала в космосе, потому что его родной брат-близнец космонавт [Дональд Томас]. Он взял эмблему нашего клуба, которая вернулась на землю и хранится у них в семье.

ММ – Давайте перейдём к вопросу об иммиграции. Расскажите о том, как вы переехали в Америку, куда вы переехали, и как вы оказались в Нью-Йорке.

НБ – Иммигрировали мы в девяностом году. Приехали сюда, прямо в Нью-Йорк, потому что здесь у жены брат уже находился, и чтобы семья не разъединялась, мы решили приехать в Нью-Йорк, о чем я ни секунды не жалею, потому что это великолепный город: город с историей, город с традициями. Вот видите, клуб зимнего купания, в котором я принимаю участие, и очень благодарен этому. И Кони-Айленд, место, где люди получают удовольствие. Не только зимой, летом тоже. Здесь масса аттракционов, масса заведений, где ты можешь даже покушать сосиски [смеётся]. Все есть. С девяностого года мы находимся здесь – уже двадцать семь лет.

ММ – Как вы начали работать в метро?

НБ – Когда мы только приехали, первая моя работа была в госпитале. Я работал по ремонту медтехники. Biomedical technician – так называется это специальность, которая мне очень нравилась. Но, работая там, я брал тесты городские, на городские работы. Мне подсказали, что это неплохо работать на город, потому что там есть пенсия и так далее. И я написал тест и забыл про это. Прошло где-то месяцев шесть-семь, и меня пригласили на работу в transit authority, в метро, где я работаю до сих пор – уже двадцать шесть лет там. Опять же, ни о чем не жалею. Работа интересная. Я работаю системным администратором по компьютерам, которые управляют подачей электропитания на третью рельсу для поездов метро. У нас есть большой центр управления, который имеет четыре разных системы управления. Я очень доволен работой.

ММ – За эти годы как работа изменилась?

НБ – Работа интересна была всегда. Каждые несколько лет (пять-шесть лет) приходит другая система, более современная, основанная на более современном оборудовании, аппаратуре, серверах. Поэтому приходилось изучать новое, более высокого класса, более качественное. Так продолжается до сих пор. Все эти годы технология меняется, и потихоньку меняется и наша работа.

ММ – Это сильно отличается от того, чем вы занимались в Союзе?

НБ – В принципе, не очень. Я работал на вычислительном центре при заводе, где тоже была современная, на тот момент, техника. Если вы помните

машины Минск 32, Минск 35 – аналоги IBM 20. Я получал удовольствие, работая там тоже.

ММ – Там карточки были?

НБ – Были перфокарты, да, перфоленты. Потом магнитные ленты. Я начинал, считайте, с азав. Первые РС, настольные компьютеры, я их видел самые первые, в которые мы играли – змеюку гоняли по экрану.

ММ – Когда вы сюда переехали, был ли у вас так называемый «культурный шок»?

НБ – Как такого не было. Было в общем-то все, как я ожидал. Хотя были моменты. Если вас интересует, я вам расскажу то, что меня очень поразило. Мой сын учился в Корнеллском университете, который находится на севере штата Нью-Йорк. Там прекрасные водопады, природные условия. И как-то мы приехали его проведать туда. И ехали по дороге к водопаду. Это лесная дорога была. И вот стоит будочка справа – какая-то избушка небольшая. Написано по-английски «мёд». Мы заинтересовались. Заходим в это избушку. Там стоят банки с образцами мёда разного диаметра и, конечно, разной цены: двадцать долларов, пятнадцать, пять долларов. И разлит в тарелки мед. Ты можешь его попробовать. Рядом стоит банка металлическая, которая открывается. Ты туда, когда покупаешь этот мед, кладешь деньги. Если тебе, надо берешь сдачу. Это меня поразило. Там никого нету; неохраняемое место. Меда там, наверно, банок сорок, пятьдесят, разных размеров. В этой банке, где деньги, пара сот долларов: по двадцать, по пять долларов, по доллару. Меня поразило, насколько люди честные. Я не мог себе даже предположить, что такое возможно. Вот это меня поразило, вот это был у меня шок там. Я делал фотографии, потом всем рассказывал. Я не думаю, что это возможно в Нью-Йорке сейчас, например. Но там, в то время, было возможно.

ММ – Вы когда-нибудь возвращались в Черновцы?

НБ – Да, это было лет десять, двенадцать назад. Я был в Черновцах. Конечно, с удовольствием я погулял по этому городу. Это мой любимый город, это красавец город – европейский стиль, бывшая Австрия. Я получил громадное удовольствие, побывав там несколько дней. Естественно, одной из главных целей посетить этот город — это пойти на кладбище где похоронены две мои бабушки и дедушка. И я это сделал, навёл порядок с могилой – у моего дедушки памятник от времени стал плохим. Пришлось поменять. Но город произвёл на меня то же впечатление, как и всегда. Прекрасный город. Но немножко стал чужим, потому что уже нет тех людей, с которыми я дружил, общался: многие поужезжали. Поэтому я чувствовал себя немножко там одиноким, давай прямо скажем. Но я получил удовольствие от того, что я походил по этим улицам, на которых я рос – великолепные памятники до сих пор: это великолепный университет черновицкий – я не видел второго такого здания в Европе красивого, театр черновицкий, который копия венского и одесского театра (те же архитекторы проектировали его). В общем, я получил удовольствие от того, что я побывал там.